

УДК 141.319.8 + 159.935

Загурская Н. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ЛЮБОВНОЕ БЕЗУМИЕ

В статье исследуются философско-антропологические аспекты любовного безумия с акцентом на его творческом потенциале. Обращается особенное внимание на топологию любовного безумия, в частности топосы *fly'n'burn* и *fall in/out*. Изучается специфика бредового расщепления субъективности и её текстуальные проявления. Мышление в таком случае предстаёт как систематизация попыток не мыслить. Рассмотрено соотношение любовного безумия с брутальностью сексуальности как критерия становления в различии. Процессуальность в этом контексте предстаёт само-сознательным утверждением любовного безумия.

Ключевые слова: любовное безумие, бред, расщепление, диссеминация.

У статті досліджуються філософсько-антропологічні аспекти любовного безумства з акцентом на його творчому потенціалі. Звертається особлива увага на топологію любовного безумства, зокрема топоси *fly'n'burn* та *fall in/out*. Вивчається специфіка верзивного розщеплення суб'єктивності та його текстуальні прояви. Мислення у такому випадку постає як систематизація спроб не мислити. Розглянуто співвідношення любовного безумства з брутальністю сексуальності як критерію становлення у розрізненні. Процесуальність у цьому контексті постає само-свідомим ствердження любовного безумства.

Ключові слова: любовне безумство, верзіння, розщеплення, диссемінація.

The article explores the philosophic-anthropological aspects of love madness with an emphasis on its creative potential. Special attention is paid to the topology of love madness, in particular the topos *fly'n'burn* and *fall in/out*. The specifics of delusional division of subjectivity and its textual manifestations are studied. Thinking in this case appears as a systematization of attempts not to think. The ratio of love madness to brutality of sexuality as a criterion of becoming in distinction is considered. Processuality in this context appears as a self-conscious affirmation of love madness.

Key words: love madness, ramble, division, dissemination.

Возможно, этот текст не стоило писать. Ведь пишущий, как отмечал Ф. Ницше, – это выздоравливающий. До кризиса болезни тщетны попытки обнаружить спасительный плот (англ. *plot* – надел, сюжет) текста. Только бессистемное чтение в панической, лихорадочной попытке найти лекарство. И вот кризис пройден, плот обнаружен и берег завершения обретает всё более отчётливые очертания. Ещё немного и – о, спасение! Кажется, что это наиболее опасный момент, ведь именно теперь обнаруживается действительная пропажа. И это вовсе не пропажа *ratio*. Я пропал, я обречён – ведь я не хочу писать, я хочу жить, а текст меня уничтожит! Но теперь уже неумолимой становится символизация, болезнь наоборот, инверсия болезни, но, по сути, эта символизация является её очередной стадией. Обретённый берег оказывается текущим же миром Диониса: *cogito*, мыслящий субъект «должны быть превзойдены, но посредством индивидуации, в ней, в пользу сжигающих их факторов индивидуации, учреждающих текущий мир Диониса» [4, с. 313].

Рассеянный атопичный влюблённый субъект страдает от социопатии, но «излечиваясь» он начинает страдать уже по иному поводу – по поводу стылости статичной субъективности. Кажется, популярность «Фрагментов речи влюблённого» Р. Барта обусловлена прежде всего тем, что здесь он показывает хотя и смутную, маловероятную, но всё же возможность выйти из-под гипноза любви и при этом продолжать любить. В языке эта попытка осуществляется тогда, когда с опорой на здравый смысл лексики разворачивается полиморфная перспектива безумного синтаксиса [1, с. 84–85]. Ж. Деррида полагает безумным то, что «способно бесконечно долго задерживаться в стихии лингвистической взаимозамены заместителей, постоянно меняющихся своими местами» [5, с. 109]. Динамика взаимозамены обуславливает ритм удовольствия, срез и одновременно клубок (фр. *coupe*) удовольствия. Такой подход возвращает любовному безумию его временно утраченное значение. Ведь если в античности любовь «помещалась либо на уровень слепого плотского безумия, либо на уровень высокого

духовного упоення, досягаючи якого Неразумие отримує всемогутність вищого знання. Любов і безумство в їх різних формах розподілялись по різним гносеологічним сферам. В Нове час, починаючи з епохи класицизму, проблема вибору ставиться інакше: або любов розумна, або любов неразумна» [11, с. 13–14].

Но таку любов не стоїть вважати жертвеною, бо бессмертие отримує Ахілл, який пожертвовав собою не ради любимого, а ради любящего. Цю ситуацію пояснює Л. Кьеза: «суб'єкт не займе місце возлюбленого як чистий суб'єкт нехватки – як Лакан не без протиріччя утверджує в VIII семінарі, – а як хто-то, хто, незважаючи на своє рух до порожнечі, в кінці кінців вибирає бути-любимим, незважаючи на свою остаточну «нечистоту». Іншими словами, суб'єкт чистого бажання, сам відчуває нехватку, виявляє себе в позиції, де він може вирішувати, розігрувати чи метафору любові і, таким чином, з необхідністю провалитися назад в нарцисизм як структурне «вitalне розщеплення» або ж знищити себе в трагедії через відмову бути любимим» [9]. Ахілл активно вирішує бути любимим, чистим бажаним – *erastes*. В цьому випадку вирахування (*subtraction*), нехватка обертається надлишком.

В любовному безумстві «зкручується і змінює вигляд весь мовний цілий і повністю, звертаючи з себе якусь-то звучущу глибоку, єдиний-єдиний вдих, межуючий з криком Я БЕЗ УМА ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

Б-без-з тебе-

Я-а б-без-з ума Я

Тебе б-без-з тебе

Люблю тебе б-без-з Я», – бреде в поезії Г. Люка [2, с. 150]. Нечленороздільність, невразумителість і косноязычність призводять до того, що мовний початок пробивається отовсюду, розповсюджуючись подібно ризомі і в крайньому випадку перетинаючи в своєму становленні межі синтаксису і граматики. Подібний же ефект створює ривок фрази: «Его зазнобило від неймовірної близькості цілі. «Люблю його безу...» Навіть в думках він не міг дійти до кінця слова «безумно». Зародившись в словах «Я його люблю», страсть продовжувала рости, тривати, збільшуватися з сумасшедшою швидкістю, залишаючи задихнувшись на піддоріжжю до цього головокружительному слову, закінчуваному тільки содроганням, хоча почало його брало життя в самому тілі Ритона, воно там бродило, а тепер вперше поміслило, чавкаючи від солодкості, але виходячи безнадійністю, об Ериковому інструменті любові» [8, с. 215].

Но неизбежно следующее за этим смятение рассеивает эту мысль, деперсонализует и размыкает телесную схему. Именно поэтому Ж.-Л. Нанси утверждает, что тело само по себе есть неизлечимое безумие. «Каждая любовь есть опыт деперсонализации на теле без органов, каковое еще надо сформировать; и именно в наивысшей точке такой деперсонализации некто может быть *именован*, получить свое имя и отчество, обрести самую интенсивную различимость в мгновенном восприятии множественностей, которые принадлежат ему и которым принадлежит он. <...> Каждый проходит через столько тел в каждом» [3, с. 61]. Так, любовь деперсонализует и освобождает в означаемом, а точнее – в означющих. Персонаж М. Пруста сначала извлекает Альбертину из множества, а затем, в свою очередь, у Альбертины и в Альбертине обнаруживаются собственные множества. Это дробление может происходить бесконечно. «Существует врожденная или приобретенная практическая близость со знаками, превращающая всякое обучение в нечто любовное и смертельное одновременно», – обращает внимание Ж. Делёз [4, с. 39]. «И как же мышлению не дойти до этого, как не мыслить то, что более всего противостоит мышлению? <...> Такой протест Различного полон смысла. <...> В сущности, бред – это здравый смысл, вот почему здравый смысл всегда вторичен. Мышлению необходимо мыслить различие, то полное отличие от мысли, которое тем не менее заставляет задуматься, наделяет мышлением» [4, с. 277]. Исходя из этого, конфабуляция собственно любовного систематизированного бреда представляет собой попытку прочертить сюжетную линию субъективации (фр. *sujet* – субъект, сюжет).

Возможна, напротив, и попытка структурировать безумие посредством искусственно вызванного чувства нехватки: «если мне приспичит постучаться в эти двери, чтобы хоть *где-то* добиться признания моего безумия (моей истины), двери эти одна за другой закрываются; и, когда все они закрыты, вокруг меня тем самым образуется языковая стена, которая заживо меня хоронит, подавляет и отталкивает если только я не приду к *покаянию* и не соглашусь

“избавиться от Х...”» [1, с. 231]. Обе эти стратегии парадоксальным образом подобны в своей принципиальной неспособности справиться с безумием (истиной, хотя и многообразной, ведь кроме Х у Р. Барта фигурирует ещё Y и пр.) посредством разума (знания).

Следующее за этим парение, возвышение, любовный полёт, как утверждает М. Фуко, сопровождается сгоранием разума до беспредметности безумия. С. Сонтаг в дневниках замечает, что оставаться в одиноком полёте – всегда искушение для мыслящего. Если использовать популярную метафоризацию любви в образе птицы, то с точки зрения С. Сонтаг это, скорее всего, жар-птица и её *fly'n'burn*. Однако этот одинокий полёт есть условие и любви как таковой. Потому С. Сонтаг, вслед за Р. М. Рильке, настаивает, что единственный способ сохранить любовь в паре – испещрить её актами разлуки и возвращения. «Могу ли я любить кого-то <...> и продолжать думать/летать? Любовь – парящее рассеивание, плавание мысли в одиноком полёте, сломанные крылья» [10]. В подобном же духе высказывается Ж.-Л. Нанси, полагая любовь прикосновением разомкнутого и утверждая, вслед за Э. Визель, что нет сердца более целого, чем сердце разбитое, расколотое, расщеплённое. Он настаивает, что любовь всегда расколота, расщеплена (*shattered*). Пока любовь является общим состоянием, она есть не более и не менее чем *cogito*. Но «сердце не является субъектом, даже если это сердце субъекта» [16, р. 253]. Любовь обнаруживает предел мышления, дефлорирует в буквальном смысле (*de-flower*), пресекая спонтанное цветение бытия. Ж. Лакан, Ж.-Л. Нанси и А. Бадью утверждают, что она обнаруживает онтологический смысл: «любовь находится в сердце бытия» [16, р. 251], обещании бытия, бытии бытия. Бытия во всей его диалектичности, расколотости, разбитости. Эта разбитость означает, что субъект отныне уже не может адресоваться к себе и только к себе. Так что расхожее выражение «моё сердце разбито» означает отнюдь не окончание, но начало любви. Удовольствие, восторг как максимальное присутствие взрывает сингулярное бытие и обнаруживает отсутствие в самой его сердцевине.

Посредством расщепления мы плавно соскальзываем в нижнюю точку любовной синусоиды и осуществляем *fall in love*. Падение, также как и полёт, понимается как отпадение (*fall out*) и безумие нарциссического парения сменяется безумием разрушения, полного растворения себя в партнёре. «Ты вызываешь у меня галлюцинации. Экстаз: пережить первый раз лучше, чем сам первый раз, но для начала нужно предвосхитить это во впадине самого первого из первых и так далее. <...> Я всегда думаю, как ты» [6, с. 361]. Это выразительное описание *falling in love* содержит очевидную уловку: утверждение «я всегда думаю, как ты» подразумевает также «ты всегда думаешь, как я». Это подразумевает её бесконечное продолжение: «я всегда думаю, как ты всегда думаешь, как я всегда думаю, как ты...»

Ж. Деррида предлагает в качестве метафоры лабиринт, высланный зеркалами и с неизменным зверем. Но он же предлагает и метафору складки цитаты как складки гимена, а центр полотна, идея в таком случае перманентно перемещается. Гимен как одновременно девственная плева и брачный союз в понимании Ж. Деррида соотносится с амбивалентностью языка, в той же мере скрывающему, маскирующему, как и разоблачающему, выражающему. Гимен предстаёт веком птицы, крылом бабочки и, шире, покрывалом иллюзии. Выходит, что диссеминация как рассеяние семени подразумевает «взмах пера или бросок костей» [5, с. 354], но также и страстную семейную сцену. Ложе сюжета этой сцены изобилует перекидными швами (*surjet*) как травматичными прививками против нарциссизма.

Если репродуктивная гетеросексуальная модель подразумевает оптимальную дозу страсти, то спектр перверсий – различные варианты страстного трансгрессирования. Поэтому, если в гетеросексуальном контексте возникает необходимость усилить накал страсти, то можно притвориться каким-либо зверем, желательно как можно дальше стоящим на как можно более отдалённой ступени эволюционной лестницы, что усиливает степень брутальности. «Будьте Розовой Пантерой так, чтобы ваши любовные страсти стали подобны осе и орхидее, коту и бабуну» – советует Ж. Делёз [3, с. 44].

Более того, чтобы стал возможным любовный кайрос, озверение оказывается просто необходимым. «В жизнях мужчин и женщин случаются моменты глубокого взаимопонимания, на фоне которого нормы приличия кажутся изобретенными лишь для того, чтобы их нарушать. В такое время осознание того, что есть хорошо, лишь помогает нам полнее насладиться тем,

что плохо. Время зверинца» [7]. Поразительным образом визуальная поэзия безумного бродяги обнаруживает предел поэтического события, на котором поэзия граничит с любовью.

о
ооооо
оооо
ооо
оо
о
оо
ооо
ооооо
ооооо
о

[7].

Показательным в этом отношении является также текст и клип группы «The Flaming Lips»: «She said I can be a frog / I can be a bat / I can be a bear / I can be a cat / She said I can be a lion / I can be a Gila monster / I can be a warrior Indian / I can be a helicopter / She said I can be a wolf / I can be a finch / I can be a jaguar / or a locust on a branch / She said I can be a monkey / I can be a tiger / I can be a tornado / knocking down your wires». Здесь перечислены самые разнообразные существа, стихии и механизмы (да и само это перечисление выглядит достаточно механистично). Персонажесса щедро предлагает богатый спектр возможностей для поддержания любовной страсти как раз посредством диссеминации в становлении.

Любовная история обуславливает согласованность противостояния принуждению суперэго и поэтому содержит субверсивное действие. Это действие всегда рискованно. «Чтобы рискнуть проживанием жизни достойной проживания, нам, возможно, придётся рискнуть всем, что мы имеем (чтобы рискнуть нарушить закон супер-эго) и, в середине этого изменнического действия риска, мы, возможно, только и обнаружим новую совместную жизнь» [12]. Обычно один из пары рискует первым покинуть закон символически умерши, а второй отправляется на поиски. Поэтому эталонной безумной любовной историей, как замечает А. Пирес, является история Орфея и Эвридики, неоднократно менявшая антураж вплоть до роуд-муви, такого как «Самоубийцы: любовная история». В этом варианте Орфей находит не ту Эвридику, которую ищет, но ту, которая решительно не оглядывается, покидая ад, где всё так же как раньше, только немного хуже. В «раю» реальности и происходит ключевое любовное событие – встречаются те, кто изначально тянулись к плоду как объекту, но обрели друг друга. И, по мнению А. Пирес, это произошло потому, что они в жижекианском ключе смогли идентифицировать окружающих не как других, но как соседей, ближних [17].

Именно поэтому, как утверждает Л. Иригарей, невозможно любить кого-то, возможно любить только в направлении кого-то: «наше различие не может быть редуцировано к одной иерархии, одной генеалогии, одной истории. Она не может быть оценена в терминах более или менее. Это уничтожило бы её» [14]. Проблематичность возможности обращения непосредственно к ближнему обуславливает обращение к его многочисленным следам, череде следов, присутствующему отсутствию: «поскольку след отпечатывается только тогда, когда отсылает к другому, то есть уже к другому следу (“отражение следа”), когда позволяет себя обойти, забыть, его производительная сила находится в необходимом отношении к энергии его стирания. Сила экспроприации никогда не производится как таковая, и всегда только в искажении эффектов собственности» [5, с. 411]. Ж. Деррида замечает, что письмо как след может оказаться румянами мертвеца, смертельной косметикой макабрического праздника, поминок по Финнегану. А нарушение разделяющих партнёров гимена вызывает предельный спазм, смерть по причине смеха от щекотки, в лингвистическом отношении означающую обретение независимости означающего от означаемого.

Ю. Кристева предлагает обратить внимание на любовную историю спетой речи, «сложное, богатое, чувственное смешивание создано из блужданий, доставляющих удовольствие заклинаний, экспрессивных вокализаций, спазматических завихрений, или, наоборот, опора на гибкие группы слов фактически конституирует первое кодирование любовных перемещений певца, приметы его радости (*joy*) или *joi*» [15, р. 281]. *Joi* в этом случае

может прочитываться как неполное единение (*join*), неразличение различия и не-различия. Возможно, именно семантическая избыточность, изобилие любовного безумия, включающего в себя нехватку в качестве одного из элементов, и обуславливает то, что с античной эпохи оно считалось наиболее эффективным видом безумия. Субъект само-сознательно утверждает «я люблю тебя безумно» [13] и именно в этот момент конструируется во всей своей процессуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт ; [пер. с фр. В. Лапицкого]. – М. : Ad Marginem, 1999. – 432 с.
2. Делёз Ж. Критика и клиника / Ж. Делёз ; [пер. с фр. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина]. – СПб. : Machina, 2002. – 240 с.
3. Делёз Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; [пер. с фр. Я. И. Свицкого]. – Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
4. Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз ; [пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской]. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
5. Деррида Ж. Диссеминация / Ж. Деррида ; [пер. с франц. Д. Кралечкина]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 608 с.
6. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида ; [пер. с фр. Г. А. Михалкович]. – Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.
7. Джейкобсон Г. Время зверинца : [электронный ресурс] / Г. Джейкобсон ; [пер. с англ. В. Дорокупли]. – М. : Азбука-Аттикус ; Иностранка, 2013. – Режим доступа : <http://mirknig.com/knigi/belletristika/1181631795-vremya-zverinca.html>.
8. Жене Ж. Торжество похорон / Ж. Жене ; [пер. с фр. Г. Зингера]. – М. : Текст, 2001. – 381 с.
9. Кьеца Л. «Le ressort l'amour»: Лакан и Платон : [электронный ресурс] / Л. Кьеца ; [пер. с англ. С. Ермакова] // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 6 (112). – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/1506>.
10. Попова М. Susan Sontag on Love: Illustrated Diary Excerpts : [электронный ресурс] / М. Попова. – Режим доступа : <http://www.brainpickings.org/index.php/2012/08/03/susan-sontag-on-love>.
11. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; [пер. с фр. И. Стаф]. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 576 с.
12. Davis C. The Subversive Act of the Love Story : [electronic resource] / C. Davis. – Mode of access : http://www.huffingtonpost.com/creston-davis/the-subversive-act-of-the_b_6203516.html.
13. Eco U. «I Love You Madly», He Said Self-consciously / U. Eco // Anderson W. T. (ed.). The Fontana Postmodernism Reader. – L. : Fontana Press, 1995. – pp. 31–33.
14. Irigaray L. I Love To You: Sketch for a Felicity within History : [electronic resource] / L. Irigaray ; [trans. from French by Alison Martin]. – N.-Y. ; L. : Routledge, 1996. – Mode of access : <https://wiki.brown.edu/confluence/download/attachments/75699724/Irigaray-ILovetoYou-Exerpt.pdf?version=1>.
15. Kristeva J. Tales of Love / J. Kristeva ; [trans. from French by L. S. Roudiez]. – N.-Y. : Columbia University Press, 1987. – 414 p.
16. Nancy J.-L. Shattered Love / J.-L. Nancy ; [trans. from French by L. Garbus, S. Sawhney] // Nancy J.-L. A Finite Thinking. – Stanford : Stanford University Press, 2003. – pp. 245–274.
17. Pires A. M. Wristcutters: A Love Story. An Anti-Sartrean Tale? : [electronic resource] // Offscreen. – February. – 2011. – Vol. 15. – Issue 2. – Mode of access : <http://offscreen.com/view/wristcutters>.